

КОНЦЕПТ «ВЕТЕР» В АФРОАМЕРИКАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ

Статья посвящена рассмотрению образа ветра в афроамериканском литературном дискурсе XVIII–XX вв. с позиций когнитивной лингвистики. Основное внимание уделено описанию и сравнению метафорических моделей, содержащих сферу-источник «ветер, буря», в произведениях У.Э.Б. Дюбуа, П. Данбара, Р. Райта, Р. Эллисона, Дж. Болдуина, М. Анджело и др.

«Во время большой засухи вам, верно, случалось видеть, как птицы летают высоко-высоко в небе. Они описывают круги, дуги, устремляются то вниз, то вверх, преследуют друг друга, не разбирая дороги, не утомимо, испуганно. По утрам они назначают в небе свидания, прогуливаются там целыми стаями, всюду веселятся, трещат наперебой. Но стоит приглядеться внимательнее, и вы поймете, что вовсе не сами птицы подняли этот вихрь крыльев, перьев, оглушительных криков, похожий на яростную битву. Во всем виноват ветер. Ветер подхватывает птиц и отпускает их, ветер надувает им крылья, вдыхает в них жизнь, и он же лишает ее. ...А замечали ли вы, что у ветра нет тени, даже когда среди бела дня он блуждает вокруг солнца? Он – волшебник. Поэтому он умеет менять свой облик. Он – сын Луны и Солнца» [3, с. 39-41].

Так начинается одна из западноафриканских легенд. То же происходит и с людьми – ветер подхватывает их, несет по жизни, крушит судьбы или приносит радостные вести. Ветер – явление двойственной природы во многих мировых культурах и религиях (античная Греция, Древний Египет, Иран, Китай, Мексика, Сирия). И как существо непоседливое, ищущее перемен, любящее смешивать краски и элементы мироздания, ветер охотно проникает в афроамериканский литературный дискурс, где легенды Африки соседствуют с европейской традицией и символикой. Сферы-мишени и стилистические составляющие концепта меняются в зависимости от социокультурных параметров, языковых и культурных контактов афроамериканской диаспоры, расовой политики, проводимой в США в то или иное время, но в прочтении данного концепта можно выделить и ряд общих черт.

Двойная трактовка ветра в афроамериканской литературе впервые четко оформляется в произведениях У. Э. Б. Дюбуа – философа и писателя конца XIX века. (Оговоримся, что мы не принимаем во внимание афроамериканский фольклор, который в большинстве своем записывали *белые* исследователи, нас интересуют тексты не только созданные, но и *записанные* самими представителями афроамериканской диаспоры. В более ранних афроамериканских литературных произведениях XVIII – XX вв. образ ветра не носит символический характер, не обладает высокой частотностью и упоминается лишь как одна из природных стихий.) В дискурсе У. Э. Б. Дюбуа ветер как воплощение отрицательного заряда несет в первую очередь превратности, удары судьбы, гибель, его стон предвещает беду.

Up the new path the advance guard toiled, slowly, heavily, doggedly; only those who had watched and guided the faltering feet, *the misty winds*, the dull understandings, of the dark pupils of these schools know how faithfully how piteously, this people strove to learn [11, с. 6].

And so we dreamed and loved and planned by fall and winter, and the full flush of the long Southern spring, till *the hot winds* rolled from the fetid Gulf, till the roses shivered and the still stern sun quivered its awful light over the hills of Atlanta [11, с. 148].

I am no coward, to shrink before *the rugged rush of the storm*, nor even quail before the awful shadow of the Veil [11, с. 149].

About my head *the thundering storm* beat like a heartless voice, and the crazy forest pulsed with the curses of the weak; but what cared I, within my home beside my wife and baby boy? [11, с. 149].

That night at starrise *a wind came moaning out of the west* to blow the gate ajar, and then the soul I loved fled like a flame across the Seas, and in its seat sat Death [11, с. 160].

Параллельно с «иссушающими, грохочущими, резкими» ветрами Юга, символизирующими тяготы жизни афроамериканца в США, автор путем метафорического сравнения придает рейдам белых южан черты жестокого вихря.

Amid the trees in the dim morning twilight he watched their shadows dancing and heard their horses thundering toward him until at last *they came sweeping like a storm*, and he saw in front that haggard white-haired man, whose eyes flashed red with fury [11, с. 175-176].

В то же время маленькие радости, утешение, покой души подобны глотку воздуха, легкому бризу. Ветер должен предупредить об опасности, и печалью автора становится отсутствие знаков о приближающейся горе, которого, как он знает, ему не миновать.

A breath of air before the plunge, he said to himself in half apology [11, с. 166].

He died at eventide, when the sun lay like a brooding sorrow above the western hills, veiling its face; when *the winds spoke not*, and the trees, the great green trees he loved, stood motionless [11, с. 148-149].

The great brown sea lay silent. *The air scarce breathed*. The dying day bathed the twisted oaks and mighty pines in black and gold. *There came from the wind no warning*, not a whisper from the cloudless sky [11, с. 174].

Чуть позднее в поэзии П. Данбара ветер и туман предстают в качестве вестника беды и смерти.

A hush is over all the teeming lists, | And there is pause, a breath-space in the strife; | A spirit brave has passed beyond the mists | And vapors that obscure the sun of life [Dunbar; цит. по: 15, с. 903].

С другой стороны, ветер в трактовке П. Данбара – это часть свободы и надежды.

I know what the caged bird feels, alas! | When the sun is bright on the upland slopes; | When *the wind stirs soft* through the springing grass | And the river flows like a stream of glass; | When the first bird sings and the first bud opens, | And the faint perfume from its chalice steals – | I know what the caged bird feels! | I know why the caged bird beats his wing | Till blood is red on the cruel bars; | For he must fly back to his perch and cling | When he fain would be on the bough a-swing; | And a pain still throbs in the old, old scars | And they

pulse again with a keener sting – | I know why he beats his wing! | I know why the caged bird sings, ah me, | When his wing is bruised and his bosom sore, – | When he beats his bars and would be free; | It is not a carol of joy or glee, | But a prayer that he sends from his heart's deep core, | But a plea, that upward to Heaven he flings – | I know why the caged bird sings! [Dunbar; цит. по: 19, с. 42-43].

Удар судьбы как сфера-мишень концепта «ветер» широко представлен и в афроамериканской литературе XX века, в частности в течении реализма, натурализма и модернизма 1940–1960 гг. Так, в прозе Р. Райта тревоги и напасти предстают как постоянные порывы ветра, бушующие вокруг, бичующие судьбу. При этом автор придает негативную коннотацию лексемам, традиционно комбинируемым с существительным *wind* в английском языке для описания хорошей наполненности, здоровой силы, свежести (ср., например, *bracing winds*).

He felt that he was living upon a high pinnacle where *bracing winds whipped about him* [20, с. 217].

The springs of religion are here, and also the origins of rebellion. And in a boy like Bigger, young, unschooled, whose subjective life was clothed in the tattered rags of American «culture», this primitive fear and ecstasy were naked, exposed, unprotected by religion or a framework of government or a scheme of society whose final faiths would gain his love and trust; unprotected by trade or profession, faith or belief; opened to every trivial *blast of daily or hourly circumstance* [20, с. 528-529].

Одновременно ветер у Р. Райта передает чувства и эмоции с преобладанием негативной окраски: ненависти, страха, злобы, презрения к самому себе и окружающему миру.

He *had been caught up in a whirl of thought and feeling* which *had swept him onward* and when he opened his eyes he saw that daylight stood outside of a dirty window just above his head [20, с. 279].

Bigger sat silently, bewildered, feeling that he was on a vast blind wheel *being turned by stray gusts of wind* [20, с. 330].

He lay on the cot with closed eyes and the darkness soothed him some. Occasionally his muscles twitched from *the hard storm of passion* that had *swept* him. A small hard core in him

resolved never again to trust anybody or anything [20, с. 394].

Since that night when he had stood alone in his cell, feeling the high magic which Max's talk had given him, was more than ever *naked to the hot blasts of hate* [20, с. 421].

Those words told me that the civilization which had given birth to Bigger contained no spiritual sustenance, had created no culture which could hold and claim his allegiance and faith, had sensitized him and left him stranded, a free agent to roam the streets of our cities, *a hot and whirling vortex of undisciplined and unchannelized impulses* [20, с. 520].

При применении приема олицетворения ветер выступает в двух ролях. Это либо хищник, пожиратель чего-либо:

The torrid cracks of the furnace gleamed in the crimson darkness and he heard the throaty undertone of *the draft devouring* the air [20, с. 218].

He heard *the wind whipping* the flames. No! That was not right; they ought not burn a cross [20, с. 390].

С другой стороны, он же может оказаться и мучительно стонущей жертвой. Далее, как правило, следует аллегоричное развертывание подобного образа и проведение аналогии между ветром и трагичным поворотом событий.

He stood for a long time, listening to Peggy's sobs and *the long moan of the wind* sweeping through the night outside [20, с. 219].

The wind swept against the windowpane and the building, *whining*, then *whispered out* into silence [20, с. 269].

У Р. Эллисона при использовании образа воздушных потоков на первый план выходит упоминание циклона, который в метафорической группе связывается либо с образом предков, либо вновь со всевозможными бедами и напастями.

And I remember too, how we confronted those others, those who had set me here in this Eden, whom we knew though we didn't know, who were unfamiliar in their familiarity, who trailed their words to us through blood and violence and ridicule and condescension with drawling smiles, and who exhorted and threatened, intimidated with innocent words as they described to us the limitations of our lives and the vast boldness of our aspirations, the staggering folly of our impatience to rise even higher; who, as they talked, aroused furtive visions

within me of blood-froth sparkling their chins like their familiar tobacco juice, and upon their lips the curdled milk of a million black slave mammies' withered dugs, a treacherous and fluid knowledge of our being, imbibed at our source and now regurgitated foul upon us. This was our world, they said as they described it to us, this our horizon and its earth, its seasons and its climate, its spring and its summer, and its fall and harvest some unknown millennium ahead; and these its floods and *cyclones* and they themselves our thunder and lighting; and this we must accept and love and accept even if we did not love [12, с. 109-110].

Then where did his labor go? Look at his old blues records and her pots of plants, they're down-home folks, and everything tossed out like junk whirled eighty-seven years *in a cyclone* [12, с. 271].

I'd tried to build my integrity upon the role of Brotherhood and now it had changed to water, *air* [12, с. 495].

Продолжая тему предков, отметим, что в метафорической группе ветер, несущий черные тучи, выступает символом прошлого, в частности периода, последовавшего непосредственно за гражданской войной между Севером и Югом.

And then his great struggle beginning. Picture it, my young friends: *The clouds of darkness* all over the land, black folk and white folk full of fear and hate, wanting to go forward, but each fearful of the other [12, с. 117].

Ассоциация ветра с печалью подкреплена аллегорией. Широко представлена подобная связь и примерами метонимии, в частности при описании скитаний человека-невидимки по улицам города и эпизоде выселения стариков [12, с. 255, 271-273, 475 и др.]. Олицетворение ветра в таких контекстах рисует образ холодного критика, готового к упреку и жестокому риторическому вопросу.

Can't you feel *the cold wind*, can't you hear it asking, «What did you do with your heavy labor? What sis you do?» [12, с. 273].

С другой стороны, аллегорическая и метонимическая модели представлены и прямо противоположными связями образа летнего ветра с описанием мирных повседневных забот, покоем и отдыхом [12, с. 36-37, 108, 229].

Что касается эпитета, то он дополняет

две возможные трактовки ветра, часто является инвертированным и связан с передачей эмоциональной окраски (*the storms of fear and anger, a wet blast of black emptiness, etc.*) [12, с. 38, 118, 225 и др.].

Прозрачность воздуха часто применяется Р. Эллисоном как основа для метафорического сравнения с невидимостью афроамериканца. Отметим, что для афроамериканского литературного дискурса в целом характерно данное понятие невидимости для окружающего мира в силу цвета кожи, слияние с ночью неграмотности, тьмой отсутствия такой культуры, которая была бы принята белым обществом.

It came upon me slowly, like that strange disease that affects those black men whom you see turning slowly from black to albino, their pigment disappearing as under the radiation of some cruel, invisible ray. You go along for years knowing something is wrong, then suddenly you discover that you're as *transparent as air* [12, с. 566].

В романах Дж. Болдуина («Go Tell It on the Mountain» [1953], «Giovanni's Room» [1956], «Another Country» [1962], «Tell Me How Long This Train's Been Gone» [1968], «If Beale Street Could Talk» [1974], «Just above My Head» [1979]) в метафорической группе концепт «ветер» в основном имеет своей сферой-мишенью различные эмоциональные состояния. Это может быть любовь, страсть, влечение, религиозный экстаз, страх, гнев, муки, смятение, невозможность обратиться к богу.

«It's terrible sometimes, inside,» he said, «that's what's the trouble. You walk these streets, black and funky and cold, and there's not really a living ass to talk to, and there's nothing shaking, and there's no way of getting it out – that *storm* inside. You can't talk it and you can't make love with it, and when you finally try to get with it and play it, you realize nobody's listening. So you've got to listen. You got to find a way to listen» [7, с. 169].

The silence in the church ended when Brother Elisha, kneeling near the piano, cried out and fell backward under the power of the Lord. Immediately, two or three others cried out also, and a *wind, foretaste, of that great downpouring they awaited, swept the church* [8, с. 113].

In those days, had the Lord Himself descended from Heaven with trumpets telling her to turn back,

she could scarcely have heard Him, and could certainly not have needed. She lived, in those days, *in a fiery storm, of which Richard was the center and the heart* [8, с. 161].

They were both, (...) *racing before a storm, struggling to «make it» before they were sucked into that quicksand, which they saw all around them, of an aimless, defeated, and defensive bohemia* [10, с. 317].

She felt his eyes on her, and also felt with dread, how slowly the *storm* in him *gathered*, how long it would take to *break* [10, с. 374].

A kind of *wind of terror* shook him for an instant [10, с. 411].

Эпитеты в основном сводятся к инвертированной разновидности (*storm of tears, tenderness; winds of fear, terror*) [7, с. 45; 8, с. 22; 10, с. 212, 368, 411 и др.].

Интересные примеры дает метафорическое олицетворение. Автор разводит существительные *wind* и *air*, делает их своеобразной оппозицией. Ветер (*wind*) у Дж. Болдуина – это или молодой афроамериканец, приятель, друг, последователь Бога-Сына, или молодой влюбленный, полный нежности.

Rufus turned, pulling up the collar of his leather jacket while *the wind nibbled delightedly* at him through his summer slacks, and started north on Seventh Avenue [10, с. 3].

The rain had ceased, in the black-blue sky a few stars were scattered, and *the wind roughly jostled* the clouds along [10, с. 431].

[Ср. 8, с. 80-81, 195-196; 10, с. 127].

Воздух (*air*) тоже носит мужское обличье. Это тоже афроамериканец, но уже взрослый, и теперь трактовка гораздо ближе к образу немилосердного Отца. Это или агрессивный мужчина, набрасывающийся с побоями, несущий тревогу, беспокойство, слезы, обиду, или равнодушный, холодно – недружественный взрослый. В контексте романов два образа связываются с конкретными персонажами, всегда отцом (отчимом) и сыном (пасынком) (Ср. Gabriel – vs. John).

The world, *the air*, went red and black, then *roared in* at him with faces and fists [10, с. 33].

[Ср. 8, с. 216; 10, с. 368].

В метонимической группе такой контраст отсутствует. Здесь мы имеем дело только с существительным *wind*, которое симво-

лизирует очищение, Слово Божье, благоприятные изменения во внешнем окружении и внутреннем мироощущении, познание Бога и своего «я».

John knew that it was the hand of the Lord that had led her to this place, and his heart grew cold. The Lord was riding on the wind tonight. What might that *wind* have spoken before the morning came? [8, с. 61].

К этому примыкает и аллегорическая трактовка ветра как напоминания о Боге, необходимости следовать христианским заповедям [Ср. 8, с. 110-112, 215-216]. Определенная противопоставленность прослеживается в описаниях легкого ветерка и сильных порывов ветра, как символа изменений, намека на грядущие тревоги – плоды непослушания, отхода от веры.

My soul is a witness for my Lord. There was an awful silence at the bottom of John's mind, a dreadful weight, a dreadful speculation. And not even a speculation, but a deep, deep turning, as of something huge, black, shapeless, for ages dead on the ocean floor, that now felt its rest disturbed by a *faint, far wind*, which bid it: «Arise». And this weight began to move at the bottom of John's mind, in a silence like the silence of the void before creation, and he began to feel a terror he had never felt before [8, с. 80-81].

It had been before this very altar that she had come to kneel, so many years ago, to be forgiven. When the fall came, and *the air was dry and sharp, and the wind high*, she was always with Gabriel [8, с. 185-186].

Когда же превратности судьбы становятся реальностью, автор использует синонимический ряд *hurricane, storm, whirlwind*.

The houses in which the people lived did not suggest shelter, or safety. The great shadow which lay over them revealed them as mere doomed bits of wood and mineral, set down in *the path of a hurricane* which, presently, would blow them into eternity [10, с. 219].

Saturday afternoon is like a cloud hanging over, it's as if waiting for a storm to break. But, on Sunday mornings *the clouds have lifted, the storm has done its damage and gone*. No matter what the damage was, everybody's clean now [9, с. 22].

Yet, she told her children, God was just, and He struck no people without first giving

many warnings. God gave men time, but all the times were in His hand, and one day the time to forsake evil and do good would all be finished: then only the *whirlwind, death riding on the whirlwind*, awaited those people who had forgotten God [8, с. 71].

В целом, концептуальный анализ прозы Дж. Болдуина показал, что здесь мы имеем дело со своеобразной аллюзией на произведения других афроамериканских авторов более раннего периода. В то же время Дж. Болдуин, воспитывавшийся в исключительно набожной семье, не мог не задействовать и традиционную библейскую символику ветра, «где это понятие означает также дух, дуновение и дыхание. Божий дух парил в начале мира над водой. Поэтически величаво описывается в третьей Книге Царств откровение Божье, которое пережил пророк Илия: «...и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]. Услышав *сие*, Илия закрыл лице свое милостью своею, и вышел, и стал у входа в пещеру. И был к нему голос, и сказал ему: что ты здесь, Илия?» (19: 11–13). Могущественное и вызывающее страх проявление природных стихий – лишь предвестие Бога на горе Хорив, его сущность обнаруживает себя лишь в нежном дуновении. ... В Новом Завете также говорится, что «Дух дышит где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким рожденным от Духа» (Ин 3: 8). Нечто подобное встречается и в еврейских легендах...: «Есть две вещи, которые не созданы, – ветер и вода. Они были с самого начала, как сказано: «Дух Божий носился над водой». Бог единый, и никого другого не было рядом с ним, и только ветер (Дух)... Ты не можешь его постичь, не можешь ни нанести ему удар, ни сжечь, ни отбросить от себя... Весь мир наполнен Духом, Дух один несет мир, он есть высшее, он был началом всех начал» [цит. по: 1, с. 40-41].

Подобное прочтение образа ветра легко обнаружимо и в дискурсе М. Анджело – афроамериканского автора конца XX века. Кро-

ме этого ветер, воздух для М. Анджело – это составляющие темы страсти, сексуальности, бури чувств. Так, возлюбленный прекрасен и силен подобно урагану и вместе с дождем воспринимается как данный Богом дар судьбы, приходящий с небес [Ср. 6, с. 166]. Привлекательность женщины (только афроамериканки) связана для М. Анджело со смерчем, сильными воздушными потоками.

But still, *like air*, I'll rise. | Does my sexiness upset you? [6, с. 163-164].

To describe my mother would be to write about *a hurricane in its perfect power*. Or the climbing, falling colors of a rainbow [5, с. 58].

Your smile, delicate | rumor of peace. | Deafening revolutions nestle in the | cleavage of | your breasts. | Beggar-Kings and red-ringed Priests | seek glory at the meeting | of your thighs. | A grasp of Lions. A lap of Lambs. | Your tears, jeweled | strewn a diadem | caused Pharaohs to ride | deep in the bosom of the | Nile. Southern spas lash fast | their doors upon the night when | winds of death blow down your name | *A bride of hurricanes. A swarm of summer wind*. | Your laughter, pealing tall | above the bells of ruined cathedrals. | Children reach between your teeth | for charts to live their lives. | A stomp of feet. A bevy of swift hands [6, с. 105].

Другой денотат концепта «ветер» – это чувства иного рода – от отчуждения, осознания своей неприкаянности до освежающего легкого дуновения надежды.

He had never left her warm side or shared *the icy wind of solitude* with me [5, с. 58-59].

Youth and social approval allied themselves with me and we trammelled memories of slights and insults. *The wind of our swift passage* remodeled my features. Lost tears were pounded to mud and then to dust. Years of withdrawal were brushed aside and left behind, as hanging ropes of parasitic moss [5, с. 167].

Метафорические трансформации автор усиливает инвертированным эпитетом и олицетворением, рисуя печальные образы, гибель, безысходную тоску, угрозу насилия со стороны белой Америки.

Now, cries make *shards* | *Of broken air* [6, с. 152].

She came home blameless | black yet as Hagar's daughter | tall as was Sheba's daughter | *threats of northern winds* die on the desert's face | She came home blameless [6, с. 22].

Аллегория повествует об отмщении, искуплении, грядущих победах.

Now if you listen closely | I'll tell you what I know | *Storm clouds are gathering* | *The wind is gonna blow* | The race of man is suffering | And I can hear the moan [6, с. 75].

Метонимия возвращает нас к теме любви, обретения супруга, приходящего подобно легкому освежающему ветру (*the slow cool draught*). Параллельное развитие зооморфных и фитоморфных образов, традиционно связанных с природой Африки, делает возможным выявление семы «расовая принадлежность».

В определенные моменты развития афроамериканского литературного дискурса трактовка концепта «ветер» может сужаться. Так произошло в период конца 1960-х и начала 1970-х. В произведениях Лоран Хансберри, Гвендолин Брукс, Роберта Дункана, Роберта Хейдена и Мелвина Толсона, Мартина Лютера Кинга, Амири Бараки, Сони - Санчез, Никки Джiovанни, Этеридж Найт все богатство сфер-мишеней сводится к традиционным образам бури как символа перемен, свободы, политической борьбы и ветра как аллегории тревог, печали, непредсказуемости будущего.

Prop a malign or failing light – | But know *the whirlwind* is our commonwealth. | Not the easy man, who rides above them all, | Not the jumbo brigand, | Not the pet bird of poets, that sweetest sonnet, | Shall straddle *the whirlwind*. | The time | Cracks into furious flower. Lifts its face | All unashamed. And sways in wicked grace. | In the wild weed | She is a citizen, | And is a moment of highest quality; admirable [*Brooks*; цит. по: 13, с. 827].

Wherefrom fall all architectures I am | I say are likeness of the First Beloved | Whose flowers are flames lit to the Lady. | She it is Queen Under The Hill | Whose hosts are a disturbance of words within words | That is a field folded. | This Place Rumord to have been Sodom. | Might have been. | Certainly these ashes might have been pleasures. | I am he who drives | Them like wolves from the hound bitch and calf | And from the chaste ewe *in the wind* [*Duncan*; цит. по: 13, с. 829].

Some of you have come from areas where your quest for freedom left you *battered* by the storms of persecution and *staggered* by *the winds of police*

brutality. You have been the veterans of creative suffering [King; цит. по: 18, с. 1960].

The whirlwinds of revolt will continue to shake the foundations of our nation until the bright day of justice emerges. [King; цит. по: 18, с. 1960].

Cold air blown through narrow blind eyes [Baraka; цит. по: 18, с. 2451].

Тем не менее это временное явление, и анализ афроамериканской литературы конца XX и начала XXI века (Т. К. Бамбара, Т. МакМиллан, К. Мейджор, Т. Моррисон, Г. Нейлор, М. Харпер и др.) позволяет нам вернуться к мысли о слиянии европейской и африканской трактовок. Ветер продолжает христианскую линию бога, с одной стороны. В то же время он сливается с другими природными концептами и концептосферой человека как биологического и социального существа, что является «черной» составляющей ветра. Как сказано в легенде: «Под его ногами крошится камень, от ударов его клюва содрогаются скалы, от хлоп-

ков крыльями трещит земля, а утес, в котором он живет, покрывается трещинами. ... Вам кажется, что ветер в дюнах, а он притаился в овраге, вы ищите его среди холмов, а он сидит на вершине. ... Он смеется над вами, подстерегает в каждом проходе и загоулке, то он рядом, то далеко, то вдруг закружится вихрем. Какой он формы? Если вы попробуете выследить его в песке, то наткнетесь на черепаху. А ветер спрячется внутри нее. Он хохочет, его хохот напоминает бой барабана. Если вы услышите, что кто-то скользит в камнях, знайте. Это не ящерица, это ветер, да-да, ветер. Когда наконец ветру становится слишком жарко дома, он отправляется к далекому-далекому морю и ныряет в него. Вам кажется, что это прыгают рыбешки? Нет, это ветер. Кит? Нет, это ветер. Опрокинулась лодка? Нет, это ветер. Кто-то купается? Нет, это ветер. Облако? ... И это тоже ветер! Спасибо тебе, ветер!» [3, с. 42].

Список использованной литературы:

1. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – Пер. с нем. / Под ред. И. С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996.
2. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: моск. лекции и интервью. – М.: Академия, 1995.
3. Сказки Африки / Сост. Н. Егорова. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.
4. Angelou M. All God's Children Need Traveling Shoes. – N. Y.: Random House, 1986.
5. Angelou M. I Know Why the Caged Bird Sings. – N. Y.: Bantam Books, 1969.
6. Angelou M. The Complete Collected Poems of Maya Angelou. – N. Y.: Random House, 1994.
7. Baldwin J. Just Above My Head. – N. Y.: Dial Press, 1979.
8. Baldwin J. Go Tell It On The Mountain. – A Laurel Book, N. Y., [1953] 1985.
9. Baldwin J. If Beale Street Could Talk. – A Laurel Book, N. Y., [1974] 1988.
10. Baldwin J. Another Country. – N. Y.: Random House, [1962] 1993.
11. Du Bois W. E. B. The Souls of Black Folk. – Bantam Books, N. Y.; Toronto; London-Sydney; Auckland, [1903] 1989.
12. Ellison R. Invisible Man. – N. Y.: The Modern Library, 1992.
13. Ellmann R. (ed.) The New Oxford Book of American Verse. – N. Y.: Oxford University Press, 1976.
14. Gates H. L., jr. Figures in Black. Words, Signs and the «Racial» Self. – N. Y.: Oxford: Oxford University Press, 1987.
15. Gates H. L., jr (ed.) The Norton Anthology of African American Literature. – N. Y., London: WW Norton & Company, 1997.
16. Gates H. L., jr. The Signifying Monkey. The Theory of African-American Literary Criticism – N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1988.
17. Hughes L. Selected Poems of Langston Hughes. – N. Y.: Random House, 1990.
18. Lauter P. (ed.) The Heath Anthology of American Literature. – U.S.A.: D. C. Heath & Company, 1990. – V. 2.
19. 101 Great American Poems: an anthology / ed. by American Poetry & Literacy Project. – U.S.A.: Dover Publications, Inc., 1998.
20. Wright R. Native Son and How «Bigger» Was Born. – N. Y.: Harper Perennial, 1993.